

Schmidt, Waldemar

Минцлов С.Р. (1870-1933) : к вопросу о мистических взглядах писателя

Slavica litteraria. 2012, vol. 15, iss. 1, pp. [111]-124

ISSN 1212-1509 (print); ISSN 2336-4491 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/124351>

Access Date: 27. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ВАЛЬДЕМАР ШМИДТ

**МИНЦЛОВ С. Р. (1870–1933): К ВОПРОСУ
О МИСТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ ПИСАТЕЛЯ**

*Темницы жизни покидая,
Душа возносится твоя
К дверям мечтательного рая,
В недостижимые края.
Встречают вечные виденья
Ее стремительный полет,
И ясный холод вдохновенья
Из грез кристаллы создает.
Ф. Сологуб*

Abstract

In the following essay about the literary works of Minclov, the author analyzes the mystic side of some of his stories. This essay gives a presentation of Minclov's literary works which have not been explored so far in science. In this essay, the author writes about mystic as a characteristics of Russian literature in the 20th century.

Key words

Mystic ■ the inner side of life ■ fate ■ God ■ realistic/non-realistic

Предлагаемая читателю статья является плодом долгих раздумий о значимости творчества С.Р. Минцлова (1870–1933). Литературное наследие Минцлова в современном литературоведении безусловно нуждается в дальнейшем освещении многих вопросов, связанных как с личностью писателя, так и его творчеством. О жизни и творчестве Минцлова можно писать и рассказывать по-разному. Его литературное наследие огромно. В данной статье мне хотелось бы сосредоточить внимание на ряде его мистических рассказов, которые объединены единой мыслью и в большей степени раскрывают сам характер мистических воззрений писателя. Увлечение мистикой в русской литературе – это не только мотивы в произ-

ведениях Минцлова, но и конкретное проявление этих мотивов, сюжетов в творчестве многих российских литераторов послереволюционного периода. К числу таких литераторов следовало бы отнести Н. Тэффи, И. Бунина, Г. Иванова, Шалфеева и автора целого ряда исследований в области русской демонологии А. Амфитеатрова, а также других.¹

Основными моментами в мистических воззрениях Минцлова, нашедших свое отражение в его рассказах, всегда являются три элемента: трагедия – миф – мистика. Как справедливо писал архимандрит Киприан (Керн) в своем труде *«Антропология св. Григория Паламы»: «Мир явлений, внешняя природа, сам человек – только прозрачные оболочки иного мира, отражение иных непреходящих реальностей.»*²

Минцлов в большей степени известен как библиограф и библиофил, и наверное, многим покажется неожиданным, что его перу принадлежит более двух десятков исторических романов, повестей, рассказов, пьес и сборников стихов. Писатель до Первой мировой войны не был беллетристом-профессионалом, и его талант литератора, в основном, раскрылся позже. Имя Минцлова-беллетриста, хотя он и не принадлежит к числу писателей «первого ранга», пользовалось в начале XX века известностью.³

Перу Минцлова принадлежат десятки книг на самые различные темы, одинаково увлекательные, хотя и написанные в самых различных жанрах. Многие из них изданы еще в дореволюционное время и в последние годы жизни писателя за рубежом.⁴ Писательская судьба Минцлова была необычна и нелегка, и надо полагать, что именно это обстоятельство наложило свой отпечаток на его литературную деятельность. Литературные судьбы переменчивы: прославленный при жизни писатель постепенно погружается во мрак безвестности, а наоборот, никому не известный вдруг становится первостепенной фигурой.

Писатель Минцлов принадлежит к числу тех русских писателей, которые сегодня мало известны современному читателю. Между тем, неординарность художественного дарования Минцлова стала очевидна уже в 90-е годы XIX века, когда появились его первые литературные произведения. Биографические сведения о Минцлове ныне общеизвестны и мож-

---

¹ См.Тамарович Наталия: Усадебный колорит в „мистических рассказах С. Минцлова: „Мистические вечера“ (1930) http://www.russianresoures.lt/archive/Minclov/Minc_19.Html.

² Киприан (Керн), архимандрит: Антропология св. Григория Паламы. – Москва : „Паломник“ 1996, с. 326.

³ Блюм А.В./Маргинов И.Р.: С. Р. Минцлов и его библиографическая повесть. // Альманах библиофила. Выпуск второй. Москва : „Книга“ 1975, с. 201–205.

⁴ См. Шмаков А.: Письма из Лозанны. <Литературоведческие очерки.> Челябинск: „Южно-Уральское книжное издательство“ 1980, с.167–168.

но лишь напомнить их. Писатель был очень разносторонним и чрезвычайно интересующимся человеком. Минцлов постоянно чем-то увлекается. Его интересы обширны: то его захватывает ботаника и зоология, то история и археология, и наконец, его страстью становятся поиски старых книг и библиография.⁵

В 1900–1914 гг. писатель жил, главным образом, в Петербурге, печатался в журналах «Юный читатель», «Всходы», «Мир», «Образование», «Исторический вестник», «Былое», «Голос минувшего». Остаток жизни он провел в Риге, перебиваясь случайными литературными заработками, теряя нужду и лишения. Минцлова – писателя можно охарактеризовать как человека, почитающего вечное. Это почитание вечного выразилось в его любви к старине, к ее преданиям и легендам, к мистике.⁶

Творчество Минцлова – это совершенно особый литературный мир, где все подвижно, бегло и зыбко, все соткано из мимолетных впечатлений и каких-то неотчетливых ощущений. В творчестве писателя, в его мистических рассказах перед читателем проходят тщательно выписанные, всегда ярко красочные и, в то же время, будоражащие воображение картины, рельефно описывающие состояние его персонажей в их общении с потусторонним миром. Для произведений такого рода характерен особый композиционный эффект – актуализация образа повествователя, обуславливающего естественность и „правдоподобие“ любого мистического рассказа писателя.⁷

Знакомясь с творчеством Минцлова, ощущаешь совершенно иной мир художественных образов, категорий мышления и каких-то особенных этических ценностей. Этика Минцлова в сочетании с его мистическими взглядами продумана, выношена в опыте его размышлений, в его литературном творчестве. Мистические воззрения писателя приобретают чисто личностно живой, прочувствованный характер и всегда объединены с психологическими наблюдениями. С другой стороны, мистические взгляды писателя, нашедшие свое выражение в его рассказах, пронизаны символами и, вместе с тем, очень реалистичны, поскольку, по словам Н.А. Бердяева, „символизм в этике есть этика душевная, в которой духовность символизируется и дается в законах. Реализм в этике есть этика духовная,

5 Русские писатели (1800–1917). Биографический словарь. Главный редактор Николаев П. А. Москва: „ Большая Российская энциклопедия“, т. 4, 1999, с. 84–86.

6 Писальский П.: Минцлов С.Р. Жизнь, личность, труды. Критико-биографический очерк. // Мистические вечера. <Записки общества любителей осенней непогоды.> Рига: „Восток“, 1946, с. V.

7 См. http://www.russianresoures.lt/archive/Minclov/Minc_19.html, а также Спорге Л.В. Пушкинский миф Ивана Лукаша // Пушкинские чтения в Тарту 2: Материалы международной научной конференции 18–20 сентября 1998. Тарту 2000, с. 331–343.

в которой духовность реально осуществляется, ее качества овладевают душевной жизнью.⁸ Еще с середины XIX века русская литература особое внимание начинает уделять психологии персонажей, пытается разобраться в сложных и запутанных лабиринтах их души.⁹ Именно эти критерии поисков психологического состояния человека и нашли отражение в мистических рассказах С.Р. Минцлова.

Надо отметить, что русская мистическая литература конца XIX – начала XX века все еще остается одним из наименее изученных этапов недавнего литературного прошлого. Появление мистических воззрений в русской литературе на рубеже XIX и XX столетий было во многом обусловлено острым ощущением кризиса всего господствующего миропорядка, охватившего многих деятелей русской литературы и искусства с несхожими позициями, путями и судьбами.¹⁰ Известно, что большую популярность в начале XX века получают взгляды Рудольфа Штейнера, знаменитого философа и социолога на рубеже XIX–XX столетий. Наибольшую популярность взгляды Штейнера получили в России – в основном, у русской интеллигенции – и впоследствии проникли в литературное творчество многих русских писателей. И это объяснимо тем, что человека XIX–XX столетий гнетет смятение, когда во внутренний мир души вторгается нечто инородное, ведущее к разладу с самим собой, с окружающим миром. И тогда человек пытается постичь суть происходящих в его душе перемен, обращается к всевозможным философским, религиозным и мистическим учениям.¹¹

Именно в этот период принципам рационального познания мира и его законов противопоставляется иррационализм как основа в поисках духовного обновления общества; возникают различные религиозно-философские общества, в которых различные слои русского общества обсуждают проблемы современного духовного сознания общества, пути модернизации традиционной религии и многие другие вопросы. Все эти поиски отразились и на развитии русской литературы, в которой возникают мистические и апока-

---

⁸ Бердяев Н.А.: О назначении человека. Москва: Издательство „Республика“ 1993, с. 213.

⁹ См. Осипова М.В.: Опыты христианской антропологии в русской литературе XIX века, в: „Духовные начала русского искусства и образования.“ Материалы III Всероссийской научной конференции. Великий Новгород, 10–14 мая 2003 года. Великий Новгород: Издательство НовГУ им. Ярослава Мудрого 2003, с. 132.

¹⁰ Орлов В. Л.: Перепутья. <Из истории русской поэзии начала XX века.> Москва: „Художественная литература“, 1976, с. 3.

¹¹ См. Листопад А.В.: Духовно – религиозные мотивы в русской поэзии начала XX века. (Е. Дмитриева, С. Парнок), в: „Духовные начала русского искусства и образования.“ Материалы III Всероссийской научной конференции. Великий Новгород, 10 – 14 мая 2003 года. Великий Новгород: Издательство НовГУ им. Ярослава Мудрого 2003, с. 152.

липисические мотивы.¹² В русской литературе растет интерес к различного рода легендам и мистическим воззрениям русского народа.

Суть мистических воззрений в русской литературе сводилась к единому представлению о мире как о системе хаоса и стихийности, как о мире трагичности. Исходя из этих моментов, судьба человека рассматривалась литераторами-мистиками как компонент произвола «сверхъестественных» сил, не подвластных человеку, и, в конечном счете, враждебных ему.

Интерес Минцлова к мистике очевиден, особенно для тех, кто непосредственно соприкасается с его литературным текстом. В его рассказах возникают бредовые видения, странные сны, галлюцинации, «ожившие покойники», ибо в понимании писателя – это жизнь в ее внутреннем мистическом проявлении. В литературном творчестве писателя присутствует малопонятный образный мир, чрезмерно усложненный обилием неведомых событий, с их мистической трактовкой действительности. Подобное литературное мышление возникает под влиянием глубокого мистико-религиозного чувства, что дает писателю через его повествователя в мистических рассказах возможность постижения духом одного и того же явления. По мысли Максима Исповедника, видимый мир – это символ мира невидимого.¹³ И Минцлов как писатель, безусловно, обладает тем чувством постижения невидимого мира через его мистическое осознание, через посредство которого происходит очищение его духовного зрения, находящее свое содержание в мистических образах и сюжетах в его рассказах.

Причина склонности Минцлова к мистическим сюжетам заключается, прежде всего, в его стремлении разобраться в природе вещей, отразить представления о мире, который принимает для писателя формы «бытия» и «небытия» одновременно. Мистика осознается самим писателем, как факт соприкосновения человека с «таинственным», т.е. «сверхъестественным», «неопознанным», «необъяснимым», в противоположность естественному, познанному и понятному. Находясь в мистическом пространстве герои Минцлова получают реальное знание о мире, обретая, так сказать, реализм высшего порядка.¹⁴

Мистика для Минцлова – это одновременно и то, что «сверх» человеческого понимания, а с другой стороны, и то, что существует объективно и дано в каком – то своем проявлении. Поэтому оно воспринимается писа-

¹² Соколов В. Г.: История русской литературы конца XIX – начала XX века. Москва: „Высшая школа“, 1999, с. 3.

¹³ Максим Исповедник, преп. Творения. Москва: „Martis“ 1993, т. 1, с. 180.

¹⁴ Зеньковский В.В., прот. История русской философии. Париж: YMCA – Press 1948, т. 1, с. 41.

телем не как «неестественное», а как нечто, попавшее в сферу «естественного» из неизвестного источника.¹⁵

Мистические воззрения писателя в его художественных произведениях существуют на бытовом, обыденном уровне, т.е. эти «мистические воззрения» его литературных героев присутствуют всегда в их реально-художественном мире. Быт, описываемый в рассказах Минцлова, всегда трагедичен; это, прежде всего, быт зависимостей, он несет в себе внутренний накал, он исполнен драматизма, он состоит из трагических в существе своем коллизий. Реально-бытовые, мистические рассказы Минцлова строятся на исключительной ситуации, которая показывает человека в необычайном жизненном ракурсе и позволяет автору раскрыть неожиданные глубины человеческого сознания, его психики.

Из глубины быта, который описывает Минцлов, мрачного, нелепого, вырастает какое-то мистическое чувство, всегда довлеющее над человеком, его судьбой. Это чувство воплощается у писателя в анализе психологического состояния героя, которое становится у него не художественным приемом, а выражением содержания самой жизни. Иными словами, Минцлов пытается в отвлеченно-мистическом смысле понять судьбу отдельного человека. Неслучайно тот же архимандрит Киприан писал: *«Видимый мир с его явлениями и с самим человеком, со структурой его психофизического организма есть экран, на котором запечатлены символы вечного бытия.»*¹⁶

Мистический характер модели мира в рассказах Минцлова, в пределах которого чудесное (мистическое, потустороннее) соприкасается с реальностью, прежде всего, выявляется в описании пространства и времени. Сочетание элементов реального с идеями эзотерического приобщения к тайне – характерный момент в творчестве писателя. Мистические воззрения Минцлова, конечно же, во многом базировались на определенных представлениях самого писателя о природе человека, а точнее, на его знании природы человеческого сознания. Писатель рассматривал человека, как сложное, таинственное, а иногда даже враждебное явление. Стихийное начало человеческой природы в литературных изысканиях Минцлова базируется на его представлениях о стихийности мира в самых разных его проявлениях. Обычно общий смысл рассказов писателя заключен в каком-либо одном эпизоде. Хотя сам по себе эпизод мало интересует Минцлова. Его привлекает, в первую очередь, проблема судьбы человека, смысл человеческой жизни. Собственно, почти каждое произведение мистического

¹⁵ Кравченко В. В.: Мистицизм в русской философской мысли XIX – начала XX веков. Москва: „Издательство“, 1997, с. 10.

¹⁶ Киприан (Жерн), архимандрит: Антропология св. Григория Паламы. Москва: „Паломник“ 1996 с. 331.

характера у Минцлова – это история жизни, судьба отдельно взятого человека, оказавшегося в каких-то очень сложных отношениях с мистическими обстоятельствами.

Судьба человека, по мнению писателя, трагична. Она не принадлежит человеку, и сам человек «растворен» в круговороте явлений и событий происходящих в окружающем его мире, а процесс его жизни трактуется писателем, прежде всего, как процесс замирания в нем личности. Рождение и смерть – вот внешние проявления его зависимости от жизни в окружающем его мире.

Минцлов находит место человека в слиянии со стихией потустороннего, с «хаосом», преображенным силой человеческого воображения. Такого рода тенденция в его взгляде на реальный мир в большей мере свидетельствовала о глубоком изменении представлений писателя об окружающем мире, и сама природа его идейно-художественных исканий выражалась в использовании спиритуалистических и религиозно-мистических представлений о жизни.

Это во многом эзотерические рассказы, возбуждающие в читателе стремление разгадать темные, потаенные смыслы жизни человека в его судьбе и ее значимости. Неслучайно Томас Манн в «Докторе Фаустусе» заметил: *«Да и существует ли вообще такая область человеческого, пусть наисветлейшая, достойнейшая, которая была бы вовсе недоступна влиянию темных сил, более того, которая не нуждалась бы в оплодотворяющем соприкосновении с ними?»*¹⁷

Поэтому самораскрытие человека в литературной концепции и во взглядах Минцлова на реальный мир рассматривается писателем через влияние потусторонних сил, которые он считает неизбежным стимулятором всякого жизненного действия. В его рассказах, где присутствуют идеи теософии, одним из принципиальных положений которой была идея переселения душ, и смерть трактуется и представляется писателем как обыкновенное разлучение со временем, то есть с земным обиталищем. Здесь следует подчеркнуть то обстоятельство, что смерть для Минцлова в любом возрасте означает, прежде всего, уничтожение сознательного Я и, вместе с тем, является моментом трансформации одной формы материи в другую – в форму бесконечной, бессознательной жизни. Минцлов, пишущий о смерти, пишет о ней, прежде всего, как о личной трагедии и, конечно же, не прославляет смерть как избавительницу и спасительницу от пошлой и грубой земной юдоли. Размышления Минцлова о смысле человеческой жизни в его мистических рассказах переплетаются с мыслями

¹⁷ Долгополов Л.: На рубеже веков. <О русской литературе конца XIX – начала XX века.> Ленинград: „Советский писатель“, 1977, с. 139.

И.Бунина, который говорил о загадочности ее происхождения: „*Жизнь зарождается во мраке таинственном. Радость и гибель ее Служат нетленному и неизменному Вечной красе Бытия.*“¹⁸

Обычно читателю, который впервые знакомится с творчеством Минцлова, сразу бросается в глаза необычное обилие смертей. Минцлов в рассказе «*Чернокнижник*», написанном в Риге в 1927 году, описал специальное устройство в склепе, которое нужно для того, чтобы «оживший» покойник мог дать о себе знать и вылезти из-под земли. Это еще один иллюзорный фон в его творчестве – широко распространенное в конце XIX – начале XX века мнение, а именно фобия, связанная с боязнью быть похороненным заживо.

«*Купил себе место на кладбище, склеп устроил, какой ему понадобился, из склепу проволоку велел протянуть наружу, на стене колокол повесили, чтобы, значит, можно было, как очнетса, слух о себе подать.*»¹⁹

Минцлов описывает смерть так, что невозможно сразу понять и определить, что она произошла. Такое восприятие феномена смерти имеется, например, в его рассказе «*Бред*», вышедшем в Новом Саде в 1923 году. Только постепенно, накапливая впечатления о происходящем, читатель расстается с иллюзиями. Для мистических рассказов Минцлова важным является соотношение таких важнейших понятий, как проблема человека, души, свободы воли и времени.²⁰

Минцлов в рассказе «*Бред*» затрагивает один из важнейших религиозных аспектов человеческого бытия – тему искушения человека демоном. Писатель обращается к одному из важных моментов в человеческой жизни – к душевной борьбе в выборе между Добром и Злом. Основной сюжет рассказа неизбежно бросает ассоциативный взгляд на саму природу демонического искушения.

Демон – это незванный гость, дух отрицания и сомнения; он старается помешать легкой смерти Поплавина, главного героя рассказа. Именно в этом рассказе Минцлова сочетаются эти два различных полюса: земное – реалистическое и небесно – мистическое представление человека о дьяволе. Однако Минцлов отступает от традиционной религиозной трактовки момента искушения, он преподносит его, прежде всего, как проявление воли человека (пусть даже умирающего) в возможности вечного выбора. Первоначально она представлена в рассказе как отвлеченное понятие,

¹⁸ См. Нефедов В.В.: Поэзия Ивана Бунина. Минск: „Издательство Высшая школа“, 1975, с. 18.

¹⁹ Минцлов С. Р. Чернокнижник. Рига: „Издательство М. Дидковского“, 1927, с. 7.

²⁰ Федоров А. А.: Европейская мистическая традиция и русская философская мысль (последняя треть XVIII – первая треть XIX века.) Нижний Новгород : „Нижегородский гуманитарный центр“, 2001, с. 60.

в большей мере исходящее из самих внутренних свойств умирающей человеческой души. Во – вторых, тема искушения реализуется в сюжете разговора «Профессора» с Поплавиным. В разговоре умирающей души с демоном – искусителем чувствуется отрицание духом Зла благости жизни, гармоничности мира.

*«Профессор встал и Поплавин увидал, что ноги его собеседника поросли шерстью и имеют раздвоенные копыта. Это его не удивило. Профессор наклонился над Поплавиным. Глаза его заблестели. – Ты мне необходим! – зашептал он. – Хочешь бессмертия? я тебе дам его! Два красные, огненные глаза зажглись на изменившемся и ставшим похожим на редьку лице профессора. Он вырос; стютик исчез с его мохнатых плеч. – Соглашайся скорей и я задержу твою смерть! – шипя сказал он. – Еще минута и будет поздно.»*²¹

Мотив искушения умирающего Поплавина проходит четыре стадии. Первая – это помысел о том, что является зерном греха. В мыслях умирающего Поплавина этот помысел укрепляется и развивается постепенно, и это проявляется в простой попытке со стороны духа Зла склонить его к греху. В данном случае воля человека в этом не участвует, и поэтому помысел не подлежит нравственному осознанию. Следующий момент искушения – сдружение или сочетание, когда душа умирающего Поплавина принимает помысел, внушаемый врагом, услаждается им; это уже – акт, подлежащий осознанию, так как здесь уже начинается колебание воли. Это нравственное осознание умирающей души ярко проявляется в словах: *„ – Страдать... никому... не надо!»*²² Третий момент – «страсть» не в обычном смысле этого слова, а в смысле склонения воли к греху, хотя душа еще не дала своего согласия. И самый последний – пожалуй, самый решающий – это внутренняя борьба представлений о Добре и Зле.²³

В рассказе «Бред» схематично воспроизведены этапы человеческой жизни. Именно стремление писателя показать этапы человеческой жизни во многом определили основной сюжет рассказа. Эти этапы человеческой жизни складываются из серии определенных, обобщенных фрагментов.

*«Прошлое с необычайной яркостью развернулось перед умственным взором его... Ни преступлений, ни грязных дел там не было. Но были проступки, обиды... совесть больше закона наказывала за них; были мучительные ночи без сна, были унижения, несчастья, ужас смерти близких людей...»*²⁴

21 Минцлов С. Р. Чернокнижник. Рига: „Издательство М. Дидковского“, 1927, с. 26.

22 Там же, с. 26.

23 Рязановский Ф. А.: Демонология в древне-русской литературе. Москва: „Печатня А. И. Снегиревой“, 1915, с. 74.

24 Минцлов С.Р., с. 28.

Сделано это так, что микрокосм человека можно принять за макрокосм вселенной: рождающейся, развивающейся, стареющей и умирающей. Таков метод и один из приемов Минцлова, когда сначала задается мистифицирующее читателя описание пространства, времени, субъектов и объектов, где разыгрывается действие, а по ходу действия выясняется их статус. Именно в этом рассказе Минцлов очень философски подходит к вопросу о сущности человеческого бытия, значимости человеческой сущности в реальном мире, вновь затрагивая вопрос о разрушительных иррациональных силах, демонстрируя иллюзорность истин, на которых человек строит свою жизнь, обнаруживая при этом глубокое незнание человеком законов бытия.

В этом небольшом рассказе Минцлов затрагивает проблему роковой замкнутости человеческого бытия между жизнью и смертью, бытия, в котором человек обречен на одиночество и страдание.

Хотя Минцлов не говорит прямо о Боге, из повествования следует, что Бог существует благодаря душе. Именно своим существованием душа создает Бога. Появление Ангела и есть присутствие Бога, общение Его с умирающей душой главного героя.

*«Что-то нежное повеяло над ним. Больной поднял голову; мягкое серебристое сияние наполняло спальню; среди нее стоял ангел с белыми крыльями. Жажда жизни с невероятной силой вспыхнула вдруг в груди умиравшего. Он сел на постели и протянул к ангелу обе руки.»*²⁵

Разговор умирающего Поплавина с Ангелом построен в форме исповеди, так как раскрывает какие-то нелицеприятные поступки человека, оставляя в стороне его искренние устремления, а именно способность к самопожертвованию, добродетели. Надо отметить, что автор этих рассказов сам создает сверхъестественные ситуации, и не только мистические, призрачные по своему характеру сюжеты, но и в значительной степени личные драмы героев, порожденные «слепой стихией.»

В другом рассказе Минцлова «Осеннее», опубликованном в Риге в 1927 году, именно этот элемент «слепой стихии» и определяет трагизм всего повествования рассказа. В центре повествования в рассказе «Осеннее» – нарисованная картина (портрет), изображающая умершего отца. Этот портрет играет в повествовании исключительную роль: с него начинается описание и заканчивается рассказ о роковом значении портрета, сыгравшем определенную роль в жизни главного героя.

«Утром открыл глаза, потом скорей протер их и вскочил: со стены на меня глядел портрет моего ночного гостя – я его видел много раз; то был покойный отец Ирины. Раздетый я подбежал к портрету. Он, несомнен-

---

²⁵ Там же, с. 27.

но он, являлся мне ночью: на меня глядели те же бездонные, мрачные глаза; лоб рассекали те же две глубоко просеченные морщины. Почудилось, что губы его шевельнулись...»²⁶

Развитие сюжета свидетельствует о том, что эта борьба между героем и «портретом» длится недолго и заканчивается полной победой иррациональной «натуры» над сознанием и здравым смыслом. Герой Минцлова остро чувствует свое одиночество, свое бессилие перед иррациональной силой. Это его бессилие проявляется в том, что он не может ничего изменить в своей жизни.

Минцлов написал этот рассказ так, чтобы у читателя осталась возможность объяснения как естественного, так и «сверхъестественного» значения портрета. Повествование начинается очень просто, с рассказа о главном герое.

«Ко мне завернул некто Заварнин – мой дальний и малознакомый сосед; молва о нем шла неопределенная, странная: говорили, что он оккультист и спирит; ходил даже слух, будто бы он умер и был погребен на Московском кладбище.»²⁷

Мистика выступает тут как прием, который выражает недоступные желания человека, его стремления вернуться к тому утраченному, основанному на неразрешенном противоречии между миром, в котором живет человек, и миром, созданным его воображением. Герой рассказа описан как фаталист, т.е. как человек, обреченно верящий в предопределенность и всевластие внечеловеческих, в том числе и «сверхъестественных», сил над любой человеческой жизнью. Во многих рассказах Минцлова мистического содержания его герои усматривают в образах реального мира «мир иной», таинственно слитый с ним, одновременно дополняющий и отрицающий его.

Минцлов – писатель акцентирует внимание читателя на духовных переживаниях и чувствах индивидов, на состоянии человеческой души в ее самых сокровенных, личностных откровениях. Писателя интересует не само мистическое переживание как таковое, а возможность его отражения в литературном творчестве. При этом мистические переживания героев его рассказов отражают лишь частичное проявление мистической практики, но не полное выражение мистицизма как жизненно важной для самого автора религиозно-философской системы.²⁸

С другой стороны, мистические темы в творчестве Минцлова отражают во многом роль только лишь иного атрибута в процессе познания

²⁶ Там же, с. 18.

²⁷ Там же, с. 12.

²⁸ Штейн Сергей фон: Пушкин мистик. <Историко-литературный очерк.> Рига: „Эсперанто“, 1931, с. 74.

окружающего мира; для него мистика является одним из многих звеньев в цепи реальных переживаний. Таким образом, события, выходящие за грань человеческого разумения, сверхприродные, помещаются в контекст повседневности, и это, с одной стороны, обнажает зыбкость и призрачность мира, окружающего писателя, а с другой, – показывает приближенность потустороннего, реальность которого подтверждается его повседневностью.²⁹

Мистические рассуждения Минцлова о сущности жизни и ее значимости – это во многом его интуитивные построения, но это, в свою очередь, не исключает некой рациональности и логичности в его рассуждениях. Тут будет уместно отметить, что литературное наследие Минцлова как писателя еще недостаточно понято и оценено. Видимо, немаловажную роль в этом играет тот факт, что это непризнание его как глубоко мыслящего писателя заключается, прежде всего, в непризнании его мистического понимания окружающего мира, которое проявилось и нашло свое выражение в ряде лучших его мистических произведений. Мистические рассказы Минцлова отличаются разнообразием созданных в них иллюзорных и реальных миров. В большей степени в рассказах писателя присутствует реальность потусторонняя, иллюзорная и по своей сути галлюцинаторная. Наиболее яркие примеры реальности такого рода встречаются в его рассказах *«Бред»*, *«Кресло Торквемады»*, *«Хотинская крепость»*, *«Рассказы монет»* или же в цикле его рассказов *«Мистические вечера.»*

В творчестве Минцлова можно найти отголоски кантовского учения о разделении характера человека на «умопостигаемое» и «эмпирическое», что также свидетельствует о том, что писатель, безусловно, интересовался проблемой неизведанности души человека. В мистическом сюжете Минцлова это «умопостигаемое» означает акт действительных событий, происходящих с человеком, что, в сущности, не совпадает с его «эмпирическим» мнением. Недаром Н. Бердяев оценивая сущность мистических воззрений в жизни человека, утверждал, что обращение к **личному мистическому** опыту в литературном жанре должно служить познанию сущего мира.³⁰

Рассматривая литературное творчество Минцлова, нужно отметить особую философскую направленность его взгляда, выражающегося в хаотически разрушительной силе природы и человека. Неслучайно по этому поводу русский философ Н. Бердяев писал: *«Разгадать тайну о человеке,*

²⁹ Богомолов Н. А.: Русская литература первой трети XX века. – Томск :, Водолей“, 1999, с. 103.

³⁰ Обатин Г.: Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вячеслава Иванова (1907–1919). Москва: „ Новое литературное обозрение“, 2000, с. 52 -53.

значит разгадать тайну бытия. Познай самого себя и через это познаешь мир.»³¹

Автор попытался рассмотреть в этой небольшой статье различные аспекты в творчестве писателя, основы его мистического восприятия реальной жизни, а также во всем определяющую пределы и границы его понимания мистику и ее функции в его литературном наследии. Для Минцлова через призму мистических воззрений происходит осознание прошлого и настоящего в постоянном водовороте жизни человеческого общества, его страстей, влекущих это общество к все более глубокому кризису. Через призму своих мистических воззрений писатель поднимает один из волнующих вопросов, а именно вопрос преодоления безнравственности в человеческом обществе.

Появление таких тем в русской литературе не было случайным, так как русская действительность конца XIX – начала XX века, а затем и последующие события в русской истории заставляли человека, серьезно и сознательно относящегося к религиозным проблемам, искать какого-то выхода, который не мог быть одинаковым для всех. Начало XX столетия ознаменовалось бурными поисками собственного осознания и причастности ко всем этим философско-религиозным поискам. Безусловно, философско-религиозные искания русских литераторов происходили в различных формах, находя свое отражение в их литературном творчестве.³²

У Минцлова этот тип знаний, лежащий в основе мистических представлений его литературного жанра, в своей совокупности охватывающих представления человека о мироздании во всех его природных, культурных аспектах, в сочетании их, в художественной форме формирует мистическую картину мира. Значение основных мистических представлений писателя естественным образом основывается на сопоставлении внутренних ощущений человека, его организации и ориентации в природной среде, с его основными эмоциями (радость, уныние, гнев, страх). И если мистические представления Минцлова о реальной жизни являются общечеловеческими, то эти общечеловеческие чувства, писатель выражает посредством текста, конкретной системы литературных образов, воплощающих в себе мистические смыслы и во многом обусловленных особенностями национальной культуры русского народа.

Основой мистической картины художественного мира Минцлова является представление автора о душевных волнениях, о несуществующих состояниях его героев, обусловленных попаданием в различные ситуации,

³¹ Бердяев Н. А. Смысл творчества. // Собрание сочинений. Paris, 1985, т. 2, с. 86.

³² Богомолов Н. А.: Русская литература начала XX века. <Исследования и материалы.> Москва: „ Новое литературное обозрение“, 1989, с. 12.

их общением с потусторонними объектами, и многое другое. Основная часть сюжетов мистических рассказов Минцлова посвящена испытанию героя и в большой степени связана с наличием остросюжетных ситуаций. Сюжетная ситуация у писателя всегда заключается в противостоянии его героев каким-то необычным, а порой совершенно фантастическим событиям в их реальной жизни. По большому счету, мистические вопросы у Минцлова ставятся и решаются как бы за гранью внешних условий, именно в том конкретном проявлении, какую задают глубинные измерения природы человека, стоящего перед лицом судьбы, смерти, Бога, отчаяния и надежды, потерянности и дерзания.³³

Таким образом, мистику в творчестве Минцлова можно рассматривать не только как арсенал мотивов и сюжетов, но и как их источник. Мистическое пространство, которое формирует в своем творчестве писатель, конечно же, неоднородно, и, как всегда, в этом пространстве присутствуют две силы, которые, в конечном итоге, и определяют судьбу героев и сюжет самого повествования. С одной стороны, это мистические силы Зла, а с другой, – силы Добра. Вместе с тем, русская литература в своей мистичности не только конкретно представила трагедию отдельного человека, но и взяла на себя роль религиозно – философского осмысления мира и места человека в нем. Целью моей работы не был исчерпывающий анализ мистических воззрений в творчестве Минцлова. Мне лишь хотелось обратить внимание на отдельные моменты в творчестве писателя, и прежде всего, на роль мистики в его творчестве.

---

³³ Семенова С.: Метафизика русской литературы. Москва : „Порог“, 2004, т. 1, с. 7.